
И. А. ЛОБАКОВА

**«ВОСПОМИНАНИЯ» Д. С. ЛИХАЧЕВА:
О ПОИСКАХ АВТОРОМ НАЗВАНИЯ ДЛЯ КНИГИ
(по материалам архива)**

Для Дмитрия Сергеевича Лихачева тема сохранения памяти оставалась одной из важнейших на протяжении всей его жизни. Одну из задач собственной профессии он видел в возвращении произведений литературы, истории и культуры Древней Руси в личную память каждого человека. В 1980–2000 годах это, как казалось, произошло: именно пробуждением интереса к русскому Средневековию широкого круга людей различных взглядов, возраста, образовательного ценза, личных эстетических предпочтений сам Дмитрий Сергеевич объяснял внимание современников к своим взглядам и высказываниям. Общественная деятельность академика Лихачева также была направлена на сохранение рукописных собраний, государственных архивов, архитектурных ансамблей (памятны выступления ученого в защиту Невского проспекта, храма Спаса на Крови в Ленинграде, дома М. И. Цветаевой в Борисоглебском переулке в Москве, за восстановление в правах музея Гатчинского дворца, сохранения сторожевых башен в Ингушетии, например); природного ландшафта (он активно участвовал в борьбе против «поворота» северных рек, за сохранение Лесковицы в Чернигове, старинных усадеб); музеев (независимо от их ранга) и их фондов, традиций отечественной реставрационной школы, памятников археологии, сложившихся за века градостроительных принципов, парковых ансамблей, библиотек как особого места хранения памятников книжной культуры, в работе которых сочетаются просветительская и образовательная функции. «Человеческая культура в целом не

только обладает памятью, но это память по преимуществу. Культура человечества — это активная память человечества, активно же введенная в современность».¹ Возвращая в современную культуру памятники прошлых веков, люди спасают их от забвения, делают их достоянием современной им жизни. Произведения прошлого не просто восполняют представления человечества об истории духовных исканий и возникновении различных художественных форм, но вступают в своего рода диалог с читателями других эпох и современной новым эпохам литературой.² До тех пор пока в сознании людей сохраняется память о явлениях культуры (или ушедшем из жизни близком человеке), они живы. Эта мысль получила у ученого вид афоризма: «Память — преодоление времени, преодоление смерти».³

Д. С. Лихачев был убежден, что память о разных явлениях искусства и литературы должна быть представлена во всей полноте, поэтому так много времени и сил он посвящал восстановлению в правах, в частности, полотен художников русского авангарда как важной составляющей искусства XX века; изданию произведений авторов, исключенных цензурой из курсов истории литературы или находившихся под «частичным запретом» (Андрея Белого, Арсения Тарковского, Бориса Пастернака, Владимира Набокова). При этом творения тех авторов, которые, по мнению Дмитрия Сергеевича, должны занять принадлежащее им место в истории культуры, не всегда входили в число любимых им самим. Но для него было делом принципа собрать свидетельства о творческих поисках, обретениях и потерях авторов разных эпох, так как это дает возможность приблизиться к наиболее точному представлению о сложности культуры, к постижению ее истоков, ее многогранности, путей ее движения, круга наиболее существенных проблем и вариантов ответов на «вечные вопросы» в разное время людьми различных взглядов.⁴ Культурная и историческая память остаются важнейшим достоянием человечества: «Память и знание прошлого наполняют мир, делают его интересным, значительным, одухотворенным».⁵

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб., 1999. С. 145.

² См.: Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. Книга была сдана в издательство «Искусство» в 1993 году редактору Л. Р. Мариупольской, которая закончила работу над ней к весне 1994 года, но в течение ряда лет не получала финансирования.

³ Лихачев Д. С. Письма о добром. С. 143.

⁴ Одной из серьезных удач в этом направлении Д. С. Лихачев считал появление серии «Памятники культуры. Новые открытия», в издании которой всегда особо подчеркивал значительность роли Т. Б. Князевской.

⁵ Лихачев Д. С. Письма о добром. С. 77.

Не раз Д. С. Лихачев подчеркивал важность сохранения памяти семейной, так как «личная память человека формирует его совесть, его совестливое отношение к его личным предкам и близким — родным и друзьям».⁶ Семейную память отличает личностное отношение к историческим событиям, наличие собственной — достаточно субъективной — оценки исторических деятелей, обусловленной семейной традицией, осознание «особости» уклада того мира, в котором проходила жизнь человека. Поэтому с такой настойчивостью Дмитрий Сергеевич добивался издания в «Литературных памятниках» воспоминаний А. Н. Бенуа (в переиздании 1980 года ученый выступил автором предисловия) и М. В. Добужинского.

Важность воспоминаний как особого исторического документа для Д. С. Лихачева была очевидна: «Воспоминания открывают нам окно в прошлое. Они не только сообщают нам сведения о прошлом, но дают нам и точки зрения современников событий, живое ощущение современников. Конечно, бывает и так, что мемуаристам изменяет память (мемуары без отдельных ошибок — крайняя редкость) или освещается прошлое чересчур субъективно. Но зато в очень большом числе случаев мемуаристы рассказывают то, что не получило и не могло получить отражения ни в каком другом виде исторических источников».⁷ Менее всего Дмитрий Сергеевич хотел написать мемуары в классическом понимании этого слова. К мемуаристике он относился достаточно настороженно, видя в этом жанре немало опасностей для пишущего: «Главный недостаток многих мемуаров — самодовольство мемуариста. И избежать этого самодовольства очень трудно: оно читается между строк. Если же мемуарист очень стремится к “объективности” и начинает преувеличивать свои недостатки, то и это неприятно. Вспомним “Исповедь” Жан-Жака Руссо. Тяжелое это чтение».⁸

Д. С. Лихачев замечал, что человек, вспоминая собственную жизнь, нередко утрачивает способность объективного восприятия исторических событий, преувеличивая значимость своей роли в них. Вспоминая о прошлом, люди вновь переживают случившееся, при этом эмоции могут как добавить важные оттенки в осознание современниками того или иного исторического факта, которые позволяют увидеть картину прошлого в большей полноте,

⁶ Там же. С. 144.

⁷ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 7.

⁸ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 7.

так и «переиначить» событие в угоду собственным переживаниям мемуариста. Для ученого представлялось крайне важным сохранить память о Петербурге своего детства; о роде, к которому он принадлежал; о людях, с которыми довелось дружить, учиться, пережить заключение на Шпалерной, ссылку в Соловецкий лагерь особого назначения. Пробуждение интереса к научным исследованиям Д. С. Лихачев связывал с работой в издательстве Академии наук, встречами и беседами с академиком А. С. Орловым, участием в заседаниях Сектора древнерусской литературы. Ученый всегда особо подчеркивал роль В. П. Адриановой-Перетц в своем научном становлении. Ему хотелось оставить в истории имена удивительных людей, с которыми свела его судьба и о которых он сохранил благодарную память. Именно это стремление привело Дмитрия Сергеевича к мысли о необходимости написать о них книгу.

На вопрос о том, стоит ли писать воспоминания, Д. С. Лихачев дал четко сформулированный ответ: «Стоит, — чтобы не забылись события, атмосфера прежних лет, а главное, чтобы остался след от людей, которых, может быть, никто больше никогда не вспомнит, о которых врут документы».⁹ Собственно, рассказу о людях, которые иначе канули бы в неизвестность, и посвящены «Воспоминания» Дмитрия Сергеевича: «Я прежде всего пишу о людях. Люди — самое важное в моих воспоминаниях. Стремясь восстановить их индивидуальность, я выполнял свой долг — сохранить о них память <...>. Но когда подумаешь о том, сколько же хороших, душевно богатых людей не оставило о себе никакой памяти, становится страшно».¹⁰ Целенаправленная работа над книгой воспоминаний началась в ноябре 1992 года.¹¹

Для ученого оказался непростым вопрос, какое имя дать его книге. В это время Дмитрий Сергеевич не раз произносил вслух некоторые названия, словно размышляя о точности соотношения личного начала (памятные события жизни его самого) и рассказа о людях, о которых хотел сохранить память. Некоторые из возможных именовании он записывал. Находящийся в архиве Д. С. Лихачева в Пушкинском Доме небольшой листок¹² содержит

⁹ Там же. С. 8. Курсив мой. — И. Л.

¹⁰ Там же. С. 578.

¹¹ С ноября 1992 года я была приглашена Д. С. Лихачевым в Отдел древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в качестве его референта; первый этап работы над книгой «Воспоминаний» пришелся на это время.

¹² Д. С. Лихачев очень часто делал записи на бумаге этого формата (это листы из небольших упаковок, так называемая «Бумага для заметок»).

записи названий, над которыми он размышлял во время работы над книгой. Приведу весь список полностью:

Лихачев. В жанре портрета.
Портрет как получился.
Ушедшее. Рассказ без нравоучения (наставления).
Один среди воспоминаний.
Портрет с улыбкой. О прошлом без наставлений.
<Названия со словом «однозвучно»>
<Названия со словами «дорога», «пылится»>
Однозвучный жизни шум.
Далекое и близкое прошлое.
В мире животных.
Долгота дней.

Каждое из зафиксированных названий позволяет увидеть разницу (порой незначительную, а иногда и существенную) в подходе к собранному материалу и возможностям его интерпретации. Попробуем показать, как они связаны с основными темами, которые Дмитрий Сергеевич хотел затронуть в своей книге.

Три названия («Лихачев. В жанре портрета», «Портрет как получился», «Портрет с улыбкой. О прошлом без наставлений»), как видим, объединены словом «портрет» и переносят акцент на личность создателя этого портрета. И если первое название оказывается наиболее жестко подчеркивающим связь создателя и его творения, то во втором оно дополнено элементом случайности («как получился»), а в третьем — эмоцией автора («с улыбкой») и его главной установкой («без наставлений»). Эти названия были отвергнуты: «Портрет, который создаешь сам, — это автопортрет. И как не пытайся перенести внимание на эпоху и других людей, все равно останешься главным лицом». Дмитрий Сергеевич был уверен, что его воспоминания должны сохранить память о других людях.

Размышляя о самодовольстве мемуаристов, ученый отмечал их желание «поучать», что всегда производит тягостное впечатление и способно оттолкнуть читателей, особенно молодых. Возможно, именно поэтому в двух вариантах названий книги появились слова «без наставлений» («нравоучений»). В первом из них нейтральное слово «прошлое» было заменено Дмитрием Сергеевичем эмоционально окрашенным: «Ушедшее. Рассказ без нравоучения (наставления)». Ушедшее — это то, что ушло безвозвратно, навсегда. Ушедший Петербург с его жизнью, звуками и традициями, ушедшие родные и близкие, учителя и друзья... Но целью воспоминаний,

как писал Д. С. Лихачев, является стремление удержать в памяти читателей тех людей, которые были важны и дороги автору, то есть ушедшие могли стать близкими для тех, кто прочитает его книгу. Желание избежать нравоучений очевидно в уже рассмотренном названии «Портрет с улыбкой. О прошлом без наставлений». Стремление к объективности, уважение к читателю, нежелание навязывать свою точку зрения — позиция, которая была очень важна для автора. Однако сам Дмитрий Сергеевич замечал, что в воспоминаниях всегда уже в самом отборе упоминаемых фактов присутствует отношение автора к событиям, поэтому полностью выполнить эти условия вряд ли возможно.

В названии «Один среди воспоминаний» сохранено ощущение одиночества, о котором говорил Д. С. Лихачев, когда замечал, что «в долгой жизни слишком велико число понесенных утрат». Размышляя об отношении ко времени, отмечал: «Вообще же из всех трех периодов человеческой жизни (детство и молодость, зрелые годы, старость) старость — самый длинный период и самый нудный».¹³ Его слова, что старость наступает тогда, «когда живешь так долго, что не остается современников, которые обращаются к тебе “ты”», могут объяснить появление этого варианта названия книги. Темой долгой жизни и связанного с этим чувством одиночества обусловлено еще одно название — «Долгота дней».¹⁴ Не желая «вызывать жалость», Дмитрий Сергеевич отказался и от этих названий.

Три других именованя книги в списке могут быть объединены словами «однозвучный» и «дорога пылится». Все они связаны с романсом «Однозвучно звенит колокольчик, и дорога пылится слегка...»: ¹⁵ «Однозвучный жизни шум», «<Название со словом “однозвучно”>», «<Название со словами “дорога пылится”>». В ямщицком романсе говорится об однообразном звуке колокольчика,¹⁶ пробудившем воспоминания лирического героя. Но и от этих названий академик отказался: исповедальность романса

¹³ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 7.

¹⁴ В качестве источника этого названия можно указать 90-й псалом: «Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним есмь в скорби, изму его и прославлю его; долготою дней исполню его и явлю ему спасение Мое» (Пс. 90: 15–16).

¹⁵ Романс на музыку А. Гурилева, слова крепостного И. Макарова (по другой версии — гитариста Н. П. Макарова).

¹⁶ Дмитрий Сергеевич очень любил звуки колокольчика: в его небольшой гостиной на даче в Комарове хранилась коллекция колокольчиков, привезенных из разных городов и стран (с Русского Севера и из Болгарии, Сербии и с Валдая, из Пскова, Новгорода, Сибири и др.), звон которых он предлагал послушать.

подразумевает сосредоточенность на собственных переживаниях, что представлялось Дмитрию Сергеевичу не соответствующим стилю его книги и задаче воспоминаний.

Название «Далекое и близкое прошлое» появилось в списке как попытка подчеркнуть важность мысли о близости давно прошедшего в памяти человека: «Прошлое в старости совсем близко, особенно детство».¹⁷ Но это название оказалось в «опасной близости» к именованию книги воспоминаний И. Е. Репина — «Далекое близкое». Кроме того, в этом названии внимание вновь смещалось в область индивидуального прошлого автора, что не отражало главной для Дмитрия Сергеевича темы его книги.

Самым неожиданным в этом списке, безусловно, является вариант «В мире животных». Сам Д. С. Лихачев в этом названии видел возможность показать в своих воспоминаниях всех, кто был наделен даром жизни («живота»), независимо от того, обладали они высокими душевными качествами или нет. Первоначально в его замысел входило изображение некоторых «деятелей», сыгравших разрушительную роль в жизни как множества близких и знакомых Дмитрия Сергеевича, так и его самого. Однако он не захотел, чтобы в пространстве его книги сохранялась память о таких людях. Интересно, что о популярной телевизионной передаче с этим же названием ученый не вспоминал, а услышав, засмеялся: «Действительно, в этом случае содержание книги может оказаться весьма неожиданным для читателя».

В результате Д. С. Лихачев пришел к выводу, что поиски названия пора закончить, остановившись на нейтральном — «Воспоминания». Но счел необходимым добавить эпиграф — им стал фрагмент из чина заупокойной литии, совершаемой мирянином: «И сотвори им, Господи, вечную память...»¹⁸ Особым условием при публикации «Воспоминаний» было требование автора включить в издание подборку стихотворений Владимира Кемецкого (Свешникова).¹⁹ На это согласилась В. Н. Стоминок, глава издатель-

¹⁷ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 7.

¹⁸ Ср.: «Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу твоему и сотвори ему вечную память». Многоточие после последнего слова в эпиграфе было призвано подчеркнуть и длину списка поминаемых, и невозможность назвать всех.

¹⁹ Дмитрий Сергеевич хотел, чтобы в книге были напечатаны также стихотворения Н. Евреинова и А. Русакова, опубликованные в журнале «Соловецкие острова», тексты которых уже были скопированы, но, к сожалению, замысел не был осуществлен из-за «значительного превышения объема, на которое было выделено финансирование».

ства «Логос», в котором с этого времени стали печататься книги Дмитрия Сергеевича. В вышедшей книге был впервые опубликован ряд блокадных фотографий с пометой «на руки не выдавать» из фотоархива (тогда находившегося в Мучном переулке) и фотографий из альбома о Соловецком лагере,²⁰ подаренного С. М. Кирову его устроителями, предоставленных директором музея-квартиры на Каменноостровском проспекте Т. А. Сухарниковой. При переиздании «Воспоминаний» в 1997 году Дмитрию Сергеевичу удалось исправить ряд неточностей, и его книга вызвала множество писем, авторы которых благодарили за упоминание имен родных, о судьбе которых часто ничего не знали, спрашивали о других людях, возможно находившихся рядом с автором в те же годы...

Для Д. С. Лихачева важность сохранения памяти была очевидна. Более того, с его точки зрения, нет выше звания, чем звание хранителя этой памяти (от семейной до исторической и культурной). Ему принадлежит достаточно жесткое высказывание: «У культуры нет и не может быть собственников. Ни народ, ни государство таковыми не являются. Все мы — только ее хранители, и если мы способны сохранить ее, мы достойны быть народом». Будучи сам Хранителем нашего города (а для многих — и культуры всей России), Дмитрий Сергеевич особо почитал звание Хранителя рукописей А. С. Пушкина. Всегда радуясь возможности присутствовать на встречах Т. И. Краснобородько с гостями Пушкинского Дома, которым она представляла рукописи или книги из личной библиотеки поэта, Д. С. Лихачев подчеркивал не только эрудицию Татьяны Ивановны, но и ее дар создавать увлекательные сюжеты для посетителей, которых она — в силу разных обстоятельств — знакомила с рукописным наследием А. С. Пушкина: «Люди, общаясь, создают друг друга. Одни люди умеют разбудить в окружающих лучшие их черты».²¹

²⁰ Эти снимки — официальная фотоверсия о «труде и жизни перевоспитывавшихся» в лагере людей (белые рубашки на заключенных, заправленные бельем постели, отдыхающие в библиотеке люди и т. д.); Д. С. Лихачев был рад возможности показать читателям, как в то время создавалась «туфта».

²¹ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения. С. 477.